

Хань Вэньсюань тяжело вздохнул. На подобный эксперимент прежде никто не отваживался: он требовал огромного количества времени и сил, так что медлить не стоило.

К тому же состояние Ши И внушало серьезные опасения. Состав того особого препарата до сих пор оставался загадкой даже для опытного врача, а Ши Юй раз за разом твердил об осторожности.

У Омег период течки случался каждый месяц, а у Ши И гормональный фон вовсе пошел вразнос. Повторного срыва он мог просто не пережить, так что источник угрозы следовало устранить как можно скорее. Иначе быть беде.

— Тогда когда ты...

— Прямо сейчас, — перебил его Цзян Чжу и поднялся с места, не колеблясь ни секунды. — Начнем без промедлений.

Хань Вэньсюань смерил юношу коротким взглядом. Тот щуплый, заморенный мальчишка, каким он его помнил, превратился в статного воина — и кто знает, через какой ад ему пришлось пройти. Цзян Чжу то ли не заметил пристального внимания, то ли попросту проигнорировал его. Он безучастно проследовал за врачом в лабораторию и замер возле аппарата для анализа феромонов. Прибор, рассчитанный на забор и диагностику, после нехитрых манипуляций мог послужить и для иных целей.

— Настройся сразу: процесс будет невероятно болезненным, — зажимая в пальцах шприц, в последний раз предостерег Хань Вэньсюань. — Если почувствуешь, что теряешь рассудок, я введу подавитель.

С этими словами он вколол ему стимулятор.

Цзян Чжу за все время не обронил ни слова. Он молча лег в диагностическую капсулу. Едва прозрачный люк захлопнулся, в стекло изнутри ударила невидимая, колоссальная сила. Аппарат ощутимо вздрогнул. Затем последовал второй удар, третий...

Смотреть на это бешеное буйство энергии было жутко. Хань Вэньсюаню невольно стало не по себе. На счастье, будучи личным врачом семьи Ши, он знал, какими монстрами могут быть эти военные, и всю лабораторию оснастил по высшему армейскому стандарту. Будь оборудование чуть попроще, взбесившиеся феромоны разнесли бы капсулу вдребезги!

Кто бы мог подумать, что у того хилого мальчугана с жалким тридцатибалльным рейтингом окажется настолько устрашающая мощь? На мгновение врач даже усомнился: не перепутал ли он тогда результаты тестов Цзян Чжу и Ши И?

Лицо Цзян Чжу запылало, мышцы натянулись до предела, а кулаки сжались с такой силой, что

побелели костяшки. В его жилах бушевал стимулятор, искусственно воссоздавая состояние безумия, в которое впадает Альфа от запаха Омеги. Единственным инстинктивным позывом было подчинить, растоптать и заграбастать себе того, кто выбил землю из-под ног.

А ведь совсем недавно он уже прошел через это испытание наяву.

Ши И с туманным, расфокусированным взглядом... Ши И, ластящийся и ищущий тепла... Ши И, доверившийся ему без остатка...

Ши И, Ши И, Ши И...

Это имя и этот образ полностью заполнили сознание. Всплывали лики — нежные, разгневанные, яростные — калейдоскоп эмоций проносился перед глазами, доводя до сумасшествия.

И лишь сейчас до Цзян Чжу дошло: с давних пор в его жизни не осталось ничего, кроме цепкой хватки за выживание... и этого человека.

Измерительные приборы были отключены, иначе Хань Вэньсюань с ужасом увидел бы, как и без того дикие показатели взлетают до небес.

— Гхм... — не удержавшись, глухо застонал Цзян Чжу.

Он чувствовал себя так, словно попал под гидравлический пресс в вакуумной камере. Стенки капсулы давили, выжимая из него последние капли феромонов. Каналы не выдерживали такой нагрузки: на шее вздулись синеватые жилы, а тело сотрясала крупная, неукротимая дрожь.

Боль. Впивающаяся в самые кости, дикая боль.

Взбесившиеся феромоны слепо метались внутри, не находя выхода. Ни привычной жестокой драки с другими Альфами, чтобы сбросить излишки дурной силы, ни сладкого, упоительного аромата Омеги, способного даровать хоть каплю утешения. Оставалось лишь стиснуть зубы и терпеть эту пытку, едва не лишаящую разума.

Хань Вэньсюань наблюдал за процессом, покрываясь холодным потом. При такой адской нагрузке Цзян Чжу не издавал ни крика, ни стога. Лишь смертельная бледность выдавала то, какую агонию он сейчас испытывал.

К тому же для Альфы, чья природа зиждется на культе силы, полная откачка феромонов равносильна превращению в калеку. Человек лишается всяких сил, не может воззвать к ментальной силе, с трудом способен шевельнуть пальцем, превращаясь в беспомощную мишень. В таком состоянии его мог бы шутя прикончить любой слабейший Омега или даже ребенок.

Ни один гордый Альфа по своей воле не отдаст себя на растерзание, не шагнет добровольно в подобную уязвимость. Каким же колоссальным мужеством и слепой верой нужно обладать, чтобы вверить собственную жизнь и смерть в чужие руки?

И все это — ради Ши И.

Сердце врача сжалось. Не сводя глаз с приборной панели, он бдительно следил за показателями, боясь упустить малейший сбой.

Процедура подходила к концу. Выкачивание феромонов досуха отозвалось новой, выжигающей болью. Когда внутренние резервы иссякли, аппарат продолжал жадно тянуть то, чего уже не было, точно калечащее солнце, палящее над полностью пересохшим руслом реки. Дальнейшая выжимка грозила повредить железу, нанеся затылочному центру непоправимый урон.

— Хватит, на сегодня достаточно. Ты отлично справился, — Хань Вэньсюань остановил процесс в самый последний момент, на пределе человеческих возможностей.

Окинув удовлетворенным взглядом заполненную колбу с феромонами, он посмотрел на Цзян Чжу уже с заметной теплотой и уважением.

— Дайте мне два часа... и повторим, — пробормотал Цзян Чжу.

Кое-как выбравшись из капсулы при помощи врача, он бессильно откинулся на спинку кресла. Одежда промокла насквозь от пота, губы посинели. В таком плачевном виде его не видели с самого момента вторичной дифференциации.

— Не глупи! — строго нахмурился Хань Вэньсюань, вливая ему в рот питательный раствор. — На сегодня всё. Повторная процедура тебя просто доконает.

Нагрузка на организм была запредельной. Еще пара таких заходов — и юноша останется инвалидом.

— Я знаю свое тело. Времени почти не осталось, — закрыв глаза, Цзян Чжу пытался перевести дыхание. — К тому же для исследований вам понадобится большой объем.

Хань Вэньсюань опешил. Словесные обороты показались ему до боли знакомыми. Напрягши память, он вспомнил: буквально недавно теми же самыми словами бросался Ши И!

Два совершенно разных по характеру упряма, а норов — один в один!

Врач попытался было снова возразить. Понимая, что парень прав, он тем не менее не мог спокойно смотреть, как тот сознательно калечит себя. Но у Цзян Чжу сомнений не было. Едва

к конечностям вернулась чувствительность, он собственными руками всадил себе еще одну дозу стимулятора, желая принудительно подстегнуть выработку феромонов.

Предотвратить это Хань Вэньсюань не успел. Видя, как юноша, немного переведя дух, снова на одних жилах плетется к капсуле, врач лишь тяжело вздохнул и занял свое место за пультом.

Когда всё было кончено, Цзян Чжу полностью лишился чувств. Но даже в небытии его веки беспокойно дрожали, а побледневшие губы шептали одно и то же имя.

Уложив юношу в гостевой комнате, Хань Вэньсюань на крыльях азарта умчался обратно в лабораторию. Позже, когда Цзян Чжу очнулся, доктор сообщил ему, что исследование займет немало времени и в будущем еще понадобится его содействие. На что тот лишь ровно ответил: «Звоните в любое время», — и, еле волоча ноги, покинул дом.

Хань Вэньсюань долго смотрел на невероятные, аномально высокие показатели феромонов, а затем перевел взгляд на личное дело Цзян Чжу.

По логике вещей, при такой феноменальной совместимости их потенциал должен быть сопоставим. В академических документах уровень феромонов Цзян Чжу числился как А-класс.

Вот только... укротить S-класс способен исключительно S-класс!

Этот парнишка...

Воспользовавшись кратким прояснением рассудка, подаренным действием препарата, Ши И спешно вернулся домой и заперся в изолированном подземном бункере.

Препарат лишь временно купировал симптомы, а значит, приступ безумия был неизбежен. Единственный разумный выход — переждать период течки в полной изоляции, не вдыхая чужих феромонов.

Спустя некоторое время тело охватил жар, мышцы налились свинцовой слабостью, но привычная дикая ярость и безумие не накатывали. Догадка подтвердилась: его вспышки неконтролируемой агрессии действительно провоцировали Альфы.

Но что за тошнотворный, вызывающий отвращение запах преследовал его раньше? Неужели это и были обычные феромоны Альф?

Но ведь это противоречило всей физиологии! Омега во время периода течки, поддаваясь провокации Альфы, должен сгорать от вожделения и стремиться слиться с ним воедино, а

вовсе не исходить кровавой слепой яростью.

В чем же причина?

Сколько Ши И ни ломал голову, ответа не находил — его познания в анатомии Омег оставляли желать лучшего. Решив не тратить попусту время, пока сознание оставалось ясным, он приступил к изнурительным тренировкам, намереваясь выжать из себя всю ментальную и физическую силу до полного изнеможения.

Единственным ярким воспоминанием из бредового небытия оставался лишь тот обволакивающий, умиротворяющий аромат.

Неужели это был запах феромонов того парня, Цзян Чжу?

Кажется... сладкий аромат клубники.

<http://bllate.org/book/20113/1993474>